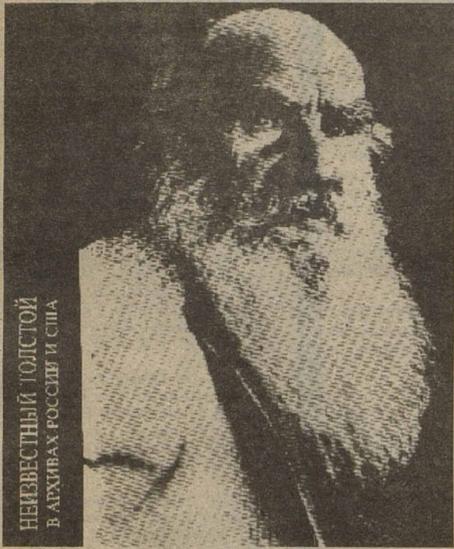

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТОЛСТОЙ В АРХИВАХ РОССИИ И США

К.Н. ОБОЗНИЧЕВ. — 1994. — 7 ИЮНЯ (№ 23) — С. 3, 16-17

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТОЛСТОЙ
В АРХИВАХ РОССИИ И США

Тот мощный нравственный импульс, который дал Толстой миру на заре нашего века, отражен в публикациях, посвященных младшим современникам Толстого. Это впервые публикуемые письма Александры Львовны Толстой, переписка А. Ремизова, М. Цветаевой, Ф. Шалапина, И. Репина, И. Бунина, Д. Мережковского с Татьяной Львовной, статьи Андрея Белого и Бодуэна де Куртэнэ о Толстом.

Из обширных воспоминаний крестьянина М. Новикова — в 1910 году Толстой собрался уйти к нему — публикуются главы: «Уход Л.Н. Толстого», «1905 год. Столыпинская реформа», «Письмо к И.В. Сталину» (1927 г.). При советской власти Новиков отсидел в Бутырьках, чуть не попал на Соловки. В 1902 году Толстой писал В.В. Стасову: «Новиков — замечательный по уму, образованию и горячности крестьянин, мне давно знакомый и близкий». Арестованный в 1937-м, М.П. Новиков сгинул в сталинских лагерях.

Послесловие С.М. Толстого (Париж), внука писателя, нашего современника, к его книге «Толстой и Толстые» это реконструкция типов родовой российской аристократии — в скрещении ее ветвей и возникла непостижимая фигура Толстого.

Более ста фотографий, преимущественно из фондов Музея, — почти все малоизвестны. Воспроизведены автографы писателя от первоначальных редакций «Войны и мира» и «Анны Карениной» до одного из писем американским корреспондентам, обычно писавшихся по-английски.

Книга «Неизвестный Толстой в архивах России и США» возникла на основе долголетнего — еще со времен Твардовского — сотрудничества Музея Л.Н. Толстого с журналом «Новый мир». В ней приняли участие исследователи творчества Толстого из Института мировой литературы и Математического института им. В.А. Стеклова Российской Академии Наук, из Московского Университета, из Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве и Государственного архива Российской Федерации, а также слависты Городского университета Нью-Йорка, Государственного университета Нью-Йорка, Корнелльского университета. Научная по своему жанру, книга возвращает нас к живому слову толстовского искусства. Собрала и составила книгу И. Борисова.

(Фрагменты книги — на стр. 16—17).

ВРЕМЯ

№ 23, 7 ИЮНЯ 1994 Г.

Книга-событие

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТОЛСТОЙ СТРАНИЦЫ

ТОЛСТОЙ И «МЫ»

Толстой!.. Страшно касаться этого великого имени, как страшно касаться судеб великой России. Тяжестю непомерной наполняется наша душа в сиротливых пространствах русских; тяжестю непомерной задавил нас Толстой; легко и просто его разбирать. Легко и просто восхищаться его художественным творчеством; легко и просто находить противоречия в его упорной, каменной мысли... И хочется воскликнуть: «Так ли все это?..» Можно написать томы о реализме, мистицизме, морализме, буддизме, христианстве, нигилизме и анархизме Толстого: только в этих томах и установишь, пожалуй, точный порядок всех этих «измов». А между тем: чувствуешь, что все это не так; все эти хвалы, как и порицания минутой Толстого. Когда восхищаются им, восхищаются не им вовсе: восхищаются той или

очью, на меня уставился его лик, и из романов, и из проповедей. По сию пору он давит меня, как и всех нераскрытой тайной своего творчества, как давят меня пространства великой России. Россия и Толстой — безлюдная равнина и на ней один, только один пахарь, взрывающий землю сохой. Нет у нас иного пахаря, не будет равного ему, быть может, много десятков лет.

Андрей Белый

22-ого сентября <19>08 г.

Публикация Ф.Л. Федорова.

Л.Н. ТОЛСТОЙ — ТЕРЕНТИЮ НИКОЛАЕВИЧУ Г. 18 января 1903. Ясная Поляна Т.Г.

Получил ваше письмо и прочел образцы ваших сочинений. Все это еще очень плохо. Но несмотря на то, что я вижу в вас не только склонности, но и способность к литературной работе и кроме того, что важнее всего, я вижу в вас искреннее религиозное христианское настроение, все-таки я не советую вам писать и вообще заниматься литературой. Важно не писать романы и драмы, а только одно — жить хорошо соответственно по тому христианскому взгляду, который вы указываете в вашем письме.

Вот на это употребите все свои силы — постарайтесь, не осуждая других, жить как можно лучше, т.е. как можно ближе к требованиям христианского учения. Заботиться о дальнейшем образовании я тоже не советую вам, то образование, которым вы обладаете, совершенно достаточно, и дай Бог, чтобы хотя половина русских людей были также как вы в состоянии читать и понимать написанное книжным языком. Есть прекрасное изречение китайского мудреца: «Мудрые не бьются учены, ученые не бьются мудры». Старайтесь утвердиться в доброй жизни, этому поможет вам чтение хороших книг, посылаю вам некоторые.

Если же, положив все свои силы на то, чтобы исполнить в жизни учение Христа, вы найдете по своей совести нужным писать не для славы людской, а для исполнения воли Бога, то тогда пишите.

Вот все, что имею вам сказать.

Желаю вам всего истинно хорошего.

Печатается по копировальной книге 5, л. 96.

Л.Н. ТОЛСТОЙ — М.М. МОЛЧАНОВУ¹ 20 марта 1903. Ясная Поляна

То же, что вам представляется много зла в мире, никак не должно огорчать вас. Зло, кот-сорого² вы видите, есть тот материал, над которым вы призваны работать. Огорчаться на то, что зла слишком много, все равно что плотнику огорчаться, что лес, из кот-сорого² он будет рубить, слишком велик. Прием же работы над этим материалом только один: самосовершенствование.

Совершенствоваться нельзя одному, совершенствование себя всегда видится на других и только оно одно воздевает на них. Очень хорошо бы было, если бы было другое средство воздействия на других. Но что же делать, как его нет, а есть только это одно. Л.Т.

¹ Михаил Михайлович Молчанов (1883—?) — сын члена Ковенского окружного суда, студент юридического факультета Московского университета, который он закончил в 1907 г. С Л.Н. Толстым познакомился в 1903 г., был в переписке с ним в течение нескольких лет. В Полном собрании сочинений (Юбилейном) опубликовано 9 писем Л.Н. Толстого к М.М. Молчанову. Письмо от 20 марта 1903 г. напечатано в т. 74 (с. 82—83) без окончания. Выше приведен фрагмент письма, восстановленный по копировальной книге 5, л. 189(317).

Публикация Л.В. Гладковой.

ГЕНРИ ДЖОРДЖ ТОЛСТОЙ НА ЗАКАТЕ ЖИЗНИ Фрагменты

Генри Джордж (1862—1916) — американский журналист, законодатель и экономист, сын известного экономиста и публициста Генри Джорджа (1839—1897), создателя теории единого земельного налога, целью которого было достижение равноправия и всеобщего достатка. Этой теорией в свое время увлеклся Толстой.

Летом 1909 года Генри Джордж-сын посетил Льва Толстого. И вскоре опубликовал воспоминания об этом посещении.

Молодой граф Толстой сказал, что его отец

ждет нас, и оставив вещи внизу, мы тут же поднялись вверх. Лестницы и полы не лакированные и неполированные дерева, но без единого пятнышка. Ковров — мало. Стены в основном белые, иногда красные — в спокойные и мягкие тона. Всюду простота, практичность, прочность. Много картин и фотографий. Среди фотографий преобладают портреты. И всюду множество книг, явно не напоказ, а для работы.

На верхней площадке мы повернули и, пройдя через переднюю, вошли в кабинет Толстого. Он сидел в кресле-каталке, которая появилась у него лет шесть или восемь назад, в Крыму, когда он серьезно заболел. Его ноги, немного приподнятые, были укутаны одеялом. На нем была длинная крестьянская блуза из светло-желтой грубой материи, в которой он запечатлен на некоторых последних фотографиях, а на голове шапочка из той же ткани, в которой мы его почти не знаем. Его лицо знакомо всему миру: серые глаза, сверкающие сквозь лохматые нависшие брови, испещренный морщинами лоб, немного поредшие космы волос, обвисшие усы и борода, живая складка губ и нос, который казался то заострившимся, то плоским.

Когда Толстой сидит в кресле, особенно заметно, что годы наложили на него глубокий отпечаток, хотя он выглядит не столько слабым, сколько хрупким; в глазах светится сильный и воинственный дух. Он олицетворяет собой жизнь, радостно проживаемую до самого конца и не омраченную приближением смерти. Еще не сказав ни слова, Толстой пристально, испытующе и как-то добро посмотрел на меня и, как бы удовлетворившись первым впечатлением, очень сердечно меня приветствовал. В эту минуту я заметил на стене на видном месте портрет моего отца. «Ваш отец был моим другом», — сказал Толстой необычайно ласково и просто. «Я был встревожен, когда прочитал в японской газете, что вы нездоровы», — осмелился произнести я. Он отвечал открыто, что свойственно всей его семье: «Я теперь совсем стар — мне восемьдесят один год. Думаю, долго не проживу. Моя нога требует лечения, но я продолжаю работать». Он улыбнулся, словно речь шла не о его смерти. Он как будто говорил: «Завтра я умру, а пока мне нужно написать еще одну книгу».

Что значила смерть для такого человека? Что значило отлучение от церкви или указ Святейшего Синода, запрещающий хоронить его по-христиански? Какое ему дело до Синода, христианского обряда и всего остального? Его дело работать, пока он жив. То, что произойдет, когда он испустит дух, — на то Божья воля. <...>

Во время нашего разговора о теории Генри

весьма поучительные беседы с японским писателем Кендзиро Токутоми¹. <...>

С Японии наш разговор перешел на корреспонденцию, получаемую Толстым. Она огромна. Письма приходят со всех концов света и на языках порой совсем незнакомых, так что стоит большого труда понять, о чем они. Большая часть писем — о произведениях Толстого и о земельном вопросе. С заметным удовольствием показав мне Толстой письмо Уильяма Дж. Брайана², о душевных качествах которого он говорил с восхищением. В конверте оказался ответ Брайана президенту Теодору Рузвельту, который на страницах журнала «The Outlook» атаковал Толстого по поводу его взглядов на непротивление в связи с современным состоянием личности и общества. О статье Рузвельта Толстой не сказал ни слова, как если бы она не заслуживала ни малейшего внимания. Что же касается политики, то он заметил: «Я не интересуюсь ею и не понимаю, почему ваш отец рисковал ради нее своей жизнью». «Чтобы сделать свои идеи предметом практического обсуждения», — отвечал я. В Англии, например, вопрос о национальной обороне вызвал буквально истерические отклики. Замечание, сделанное Толстым, очень для него характерно. «Людьми, которые хотят жить в мире, не нужны флотилии», — сказал он, — они нужны тем, кто хочет грабить и убивать, потому что грабежи заканчиваются убийством. Строительство военных кораблей показывает, что кое-кто из тех, у кого есть сила, готовы отправиться в новые экспедиции, чтобы грабить и убивать». Словом, в ходе нашей беседы Толстой коснулся многих предметов. Наконец, я попросил разрешения сделать несколько фотографий. Заранее уверенный в его снисходительности, я пригласил своего друга, опытного фотографа, сопроводить меня в Ясную Поляну. Граф с готовностью согласился, и снимки, сделанные в тот день, я публикую вместе со своей статьей.

Живость толстовского ума проявилась даже в этом эпизоде. Когда фотограф предупредил, что из-за плохого освещения должен сделать пятисекундную экспозицию, наш хозяин, очевидно, прикинув в уме, объявил, к удивлению и смущению фотографа, что экспозиция была более чем пятисекундной. Впрочем, фотографии все же оказались хорошими.

¹ Кендзиро Токутоми (1868—1927) — японский писатель. В 1906 году посетил Толстого.
² Уильям Дженингс Брайан (1860—1925) — американский политический деятель. Был у Толстого в 1903 году.

Публикация и перевод с английского В.А. Александрова.

Л.Н. Толстой в гостях у Чертковых. Ясенки. 1907 г.
Фотография В.Г. Черткова.

иной его стороной; и порицая, не его порицают. Перед нами двое: художник и учитель жизни; оба отрицают друг друга. Вот что мы видим: не можем не видеть. И однако: мы чувствуем, что вовсе это не так; что Толстой — один; через всю жизнь пронесит он какую-то единственно присущую ему мудрость: в проповеди — он художник; в художественном творчестве — мудрец. Но когда захотим мы явственно показать цельную правду в Толстом, видимость нарушает это тайное наше знание о нем.

Так стоят перед нами — Толстой-раздвоенный и Толстой-цельный: чего-то не договариваем мы о каждом. Какую-то тайну в нем давит нас непомерно; оттого-то не можем мы до конца успокоиться: кажется все сказано о Толстом, что может быть сказано; а вот мы все еще делим в нем художника и пророка; идут года, а, казалось бы, давно пережитые страницы его проповедей все той же волнуют нас силой — все равно, браним ли мы его, восхищаемся ли мы им. И невольно понимаешь, что нераскрытая сущность Толстого есть нераскрытая сущность России; пути его мысли и творчества — ее пути. Про Россию, как и про Толстого, можно сказать, что тут — «мысль изреченная есть ложь». Земляная тут, великая сила; земляная тут, великая тяжесть; земляная тут, великая слепота. Внутренними очами прорезает правду Толстой в земле нашей, в нас, в себе; но внешними очами не видит он земли нашей, нас... быть может, себя. Как Вий, стоит он перед нами с опущенными ресницами: «Приподнимите ему веки» хочется нам сказать о нем; хочется в открытых глазах его прочесть тайну, потому что его тайна и в нас, если мы чувствуем в себе землю нашу. И не поднимаются железные веки Толстого; и тайна его не смотрит нам в глаза; не исполнились еще сроки; не узнали еще мы, что такое Толстой.

Оттого он и давит нас своей громадной, своей нераскрытой силой. Помимо его в дни отрочества и у него в доме, и в «культурной» профессорской гостиной. И тут, и там он меня давил; и тут, и там мне становилось не по себе, когда в комнату входил этот вещный старик, с глубокими, внутрь глядящими глазами.

Потом, когда уже перестал я видеть его во-

Л.Н. Толстой с Генри Джорджем (сыном). 5 июня 1909 г.

Джорджа Толстой попросил принести книги моего отца в русских переводах. <...> Воодушевленно и страстно говорил Толстой о том, какая правда заключена в этих книгах, будто меня надо было в этом убеждать. Он вдруг сбросил одеяло, поднялся с кресла, подошел к столу и стал подписывать некоторые из этих книг. Пережил и уверенность, с какими он дингался, ложжались. Он был в старомодных сапогах и в брюках, заправленных в голенища. Его почерк был четким и твердым, что удивляло в восьмидесятилетнем человеке. Его ум, жидкий и широкий, сказывался во всем, даже когда он надписывал книги. Узнав, что я только что из Японии, он сказал: «Я хочу знать как можно больше об этой переловой стране. Помоему японцы великий народ. У меня были

Л.Н. ТОЛСТОЙ — ИЗABELЛЕ ХЭПГУД 28/16 Марта, Москва (1893)¹

Изабелла Флоренс Хэпгуд (1850—1928), известная американская журналистка и переводчица. Владела многими европейскими языками. Перевела на английский «Севастопольские рассказы», «Анны Каренину», «Власть тьмы» и другие сочинения Толстого. Переписывалась с Толстым почти два десятилетия.

Письмо к Изабелле Хэпгуд, написанное по-русски, относится к зиме 1891/1892 года, когда Толстой помогал голодающим крестьянам и через Хэпгуд получал помощь из Америки.

¹ Рукон Хэпгуд, ошибочно.

4.06.94
135
Толстой Л.Н.

Книга-событие

В АРХИВАХ РОССИИ И США

КНИГИ

Простите меня, пожалуйста, за то, что не отвечал вам на вашу телеграмму и только теперь отвечаю на ваше письмо. Телеграмму я получил в Рязанск<ой> губ<ернии>, и так как писать я никак не могу за деньги и тем более по заказу, то я решил, что исполнить вашего желания не могу, и не отвечал телеграммой. Кроме того, вследствие трудности сообщения, телеграмма пришла так поздно, и я был так завален делом, что решительно не успел ответить. Пожалуйста, извините меня за это. Я теперь в Москве, куда я приехал на время разлива рек и где пробуду недели две. Мне очень бы хотелось за это время написать мои последние выводы и впечатления о голоде и борьбе с ним. Если бы это мне удалось, то я очень бы был рад исполнить ваше желание и тотчас же по написании статьи прислать ее вам, с тем чтобы напечатали в том ли журнале, о котором вы пишете, или в каком пожелаете, разумеется, без всякого денежного вознаграждения.

Очень, очень вам благодарен от имени тех, на облегчение нужды которых идет ваша нам помощь, за вашу энергическую и добрую деятельность. Дело наше до сих пор идет хорошо, т.е. что мы ясно видим, что деятельность наша приносит ту пользу, которая от нее ожидается, и что мы не имеем до сих пор недостатка ни в средствах, ни в помощниках-работниках. Четыре раза уже с нами было то, что мы пугались слишком большого распространения нашей деятельности и останавливались, не предвидя увеличения средств. Так мы остановились, когда у нас было <б> столовых и 3000 р. Потом остановились на 20. Потом на 60; и вот на днях, перед отъездом, когда мы сделали учет и увидели, что у нас 176 столовых и недостает 8000 р. для доведения дела до конца, мы опять остановились и стали сокращать себя. Но как и в те раза, приехав сюда, я нашел новые пожертвования, покрывающие наш дефицит (из которых ваши занимают немалую часть), и мы смело поведем дальше наше дело. Очень благодарю вас. В получении ваших денег вас известят жена и дочь. Я уверен, что они все дошли. Если до сих пор не во всех вы получили расписки, то это происходит от того, что чеки приходится посылать для подписи в деревню и назад, что берет много времени. На днях мы составим отчет и тогда сообщим вам и о ваших полученных пожертвованиях. Очень, очень хотелось бы написать статью и напечатать у вас в Америке, хотя бы как выражение благодарности за то братское сочувствие к нашему бедствию, выказанное вашим народом.

Публикация Р.Витткера (США), комментарий Е.Н.Щелоковой.

М.П.НОВИКОВ
(1870—1937?)
УХОД Л.Н.ТОЛСТОГО
Фрагменты

До самой смерти Л.Н.-ча (в ноябре 1910 г.) я поддерживал с ним знакомство и ездил в Ясную Поляну к нему. С ним вместе ночевал, с ним вместе обедал и ходил по лесам на его прогулки. От него привозил т.н. запрещенные книги и распространял среди своих знакомых. В последние годы его жизни я заставал его больным и беспомощным и видел, как он мучится в семье и дряхлеет, и приближается к порогу смерти. Всякий раз он говорил мне о том, как ему тяжело жить в условиях господского дома, где его считают приживальщиком, тунеядцем из-за того, что он своей работой не дает дохода своему семейству.

«Я как в аду киплю в этом доме, — говорил он мне печально, — а мне завидуют, говорят, что я живу по-барски, а как я здесь мучусь, никто не видит и не понимает!»

А когда я был у него в последний раз и ночевал с 21 под 22 октября 1910 года, он был такой плохой, что я дивился в себе, как это может человек жить, мыслить и двигаться, будучи таким изможденным и высохшим? Прямо я еле слышал и его слова, и его шаги, когда он подходил и говорил со мной. Точно он был уже какой-то бестелесной тенью. <...>

Прощаясь со мной, по обыкновению, с вечера, Л.Н. долго не выпускал моей руки и много раз повторил:

— Мы скоро увидимся!.. Дай бог, чтобы мы скоро увиделись!..

Я уже был в постели и собирался заснуть, как услышал около себя шаги, в полумраке я увидел опять Л.Н.-ча и готов был принять его за привидение, так легки и беззвучны были его движения. Видя, что я протягиваю руку, чтобы отвернуть свет лампы, Л.Н. удержал меня и сядя рядом на постель, тихо и отрывисто сказал:

— Не надо, так лучше, я к вам на минутку, рад, что вы еще не спите. Я сказал Душану,

чтобы он оставил нас одних. О ваших рукописях — я их сейчас прочел — я напишу своему знакомому Анучину и еще Короленке, а только я вам советую не разбрасываться, не расстривать себя по таким мелочам. Вам нужно описать жизнь, у вас так много в ней поучительного, что я готов вам завидовать. Опишите, непременно опишите, я даже прошу вас об этом. — Подумавши, он добавил: мне всю жизнь не доставало того, чего у вас было с избытком, вашей жизни и ваших страданий.

Он хотел уходить. Но, постоявши у двери, вернулся, снова сел на мою постель, говоря то-ропливо:

— Я не хотел вам говорить о себе, но вот сейчас почувствовал, что я буду неправ, не сказавши вам всей правды о том, почему я тогда и всегда не мог навестить вас. Я от вас не скрывал, что я в этом доме киплю, как в аду, и всегда думал и ждал уйти куда-нибудь в лес, в сторожку, на деревню к какому-ни-

Л.Н.Толстой с внучкой Таней Сухотиной в Яснополянском парке. 1908 г.

Фотография В.Г.Черткова.

будь бобылю, где мы помогали бы друг другу. Но Бог не давал мне силы порвать с семьей, да и в деревне меня бы осудили за это, моя слабость, может быть, грех, но для своего спокойствия я не мог заставить страдать других, хотя бы и семейных. <...>

— Мы прожили любовно 50 лет. Я не мог для своего личного удовольствия причинять ей боль. А когда у нас выросли дети и перестали в нас нуждаться, я звал ее в простую жизнь, где бы мы сами себя обслуживали, но она больше всякого греха боялась опрощения, не по душе, конечно, а по инстинкту.

Остановившись на минутку передохнуть, Л.Н., подумавши, снова продолжал:

— Я для себя одного не ушел и нескрест. Меня здесь расценивали на рубли, говорили, что я разоряю семью, не продавая за деньги своих писаний. Правда, обо мне, как о человеке, любовно заботились, чтобы не простыл мой обед, чтобы была чиста блуза, вот эти штаны (указывал он на колени), но до моей духовной жизни, кроме Саши, никому не было дела. Только Саша, — произнес он нежно, — меня понимает и не бросит одного. Я не могу видеться со своими друзьями, которых здесь не любят, и в особенности с Чертковым. Вы знаете Владимира Григорьевича? — спросил он меня. — Он все свое состояние и время тратит на распространение моих писаний. Его Софья Андреевна видеть не может и считает, что он причиной тому, что я не продаю своих писаний в угоду семье. Чтобы с ним видеться, я должен или выносить мучительные сцены и упреки жены, или обманывать ее, говоря, что я иду к другим в то время, когда я иду к нему. Мне хочется спокойно умереть. Хочется перед смертью побыть одному с самим собой и богом, а они расценивают на рубли... Уйду, уйду, — произнес он как-то глухо, почти не обращаясь ко мне... — Вы меня простите за слабость, я вам по-стариковски разболтался, но мне так хотелось, чтобы вы меня поняли душой и не думали бы обо мне дурно. Еще два слова. Я вам сказал, что я теперь свободен, и я не шучу, как вы думаете. Мы наверное скоро увидимся... у вас, у вас, в вашей хате, — добавил он поспешно, заметивши мое недоумение. — Я и впрямь отошел от семьи, только без пригово-

ра, как у вас, — пошутил он и тут. — Для себя одного я этого не мог бы сделать, а теперь я увидел, что и для семейных без меня будет лучше, меньше из-за меня спору и греха будет.

Прощаясь со мной, Л.Н. снова повторил:

— Мы скоро увидимся, может быть, даже раньше, чем думаю сам. — Отойдя на несколько шагов, он опять приостановился и обернувшись, сказал: «Я потому все это вам сказал, что убежден, что вы понимаете меня, разделяете мысли и вполне сочувствуете». Мы расстались навсегда.

Почти всю ночь я не мог заснуть от охвативших меня волнений. Мне было стыдно, что я как бы заставил его-исповедоваться перед собой, и в то же время радостно, что он, как человек, забывая наши различия, не скрывал от меня своих слабостей и горестей души, за что я и всегда любил его и привязался к нему душой. Никто так просто по-деревенски не разговаривал с ним и не стеснялся в разговорах о социальных различиях.

Милый и дорогой дедушка, разве я мог думать в эту минуту, что ты живешь последние дни и в этом доме и в этой жизни?

Вернувшись домой, через три дня 26 октября я получил неожиданно от него письмо, писанное им 24-го, 1910 года:

«В связи с тем, что я говорил вам перед вашим уходом, — говорилось в письме, — обращаюсь к вам еще со следующей просьбой, если бы действительно случилось то, чтобы я приехал к вам, то не могли бы вы найти мне у вас в деревне — хотя бы самую маленькую, но отдельную и теплую комнату (хату), так что вас с семьей я бы стеснял самое короткое время. Еще сообщая вам то, что если бы мне пришлось телеграфировать вам, то я телеграфировал бы вам не от своего имени, а от Н.Николаева. Буду ждать вашего ответа. Дружески жму руку. Лев Толстой». В конце еще приписка: «Имейте в виду, что это должно быть известно только вам одним. Л.Т.»

ПИСЬМО К И.В.СТАЛИНУ

Январь 1927 г.

Ввиду того, что газеты таких вопросов не печатают, я решаю писать вам, чтобы указать на них...

Покойный Владимир Ильич, хотя оказался плохим пророком, говоря на первом совещании по работе в деревне (в 19—20 годах)... «когда рабочие нарабатывают полные полки товара, мы перестанем обирать крестьян, установивши с ними правильный товарообмен... и нет причин бояться, чтобы рабочие повысили цены за свои товары в ущерб крестьянству»...

Как видим, причины эти нашлись и результаты давят на тощий крестьянский бюджет. Но если бы он был жив, уж наверное не допустил бы с разинутым ртом ножницам оставаться на десятки лет. Нам, крестьянам, вот тут и непонятно, почему партия так слабо относится к этим ножницам. И при чем тут разные комиссии, когда все ясно, как в зеркале. Помилуйте, даже в паршивом деревенском кооперативе правленцы, опираясь на городские и фабричные ставки, хотят получить не меньше 40—60 р., а чуть покрупнее оборот — и по 70, по 100. Теперь даже и красть не надо — чего поди рисковать — все барыши от высокого наложения на товары и без того ими рас-

Слева направо: переводчик Т.Суслов, сын В.Брайана, Л.Н.Толстой, В.Брайан, секретарь В.Брайана М.Флин

Фотография А.Л.Толстой.

хищаются в форме господского жалования, разъездных и командировочных. А у населения, — как говорится в сказке — по усам текло, а в рот не попало. И ужели партия этого не видит и не собирается окорнать все эти господские заработки и получения. Всюду и везде их надо сократить ровно втрое. И только тогда ножницы сомкнутся и во всем получится и желанная увязка, и возможность необходимого накопления, чтобы строить социализм в одном государстве.

Теперь в крестьянстве между теми, кто получает 40—150 р., пристроившись где-либо во власти или в торговой организации и лавочке, и между подавляющим большинством не получающих, ведется скрытая злоба и ненависть из-за того, что уж слишком резко различаются эти два положения. Первые строят себе хорошие домики, едят мясо, белый хлеб, сливочное масло. А вторые, как я уже сказал, перебиваются с хлеба на квас, стиснутые клещами налогов и рынка. Это также ничего хорошего не судит и должно быть устранено.

В обществе у нас полный беспорядок, никто никого не признает и никого не боится, в том числе и власти. Зелени, хлеб, луга, клеверница, когда это вредно, вытаптываются скотом до черной земли, земля вовремя не пашется. Дороги не чинятся, мосты разрушены, пожарного обоза почти нет, от пожарных сараев остались одни столбы. Школы капитально не ремонтируются и не расширяются, 5—10% домов занимают шинкарством и спаивают остальных. Ночами хулиганство, озорство. И в такое время сельская власть не имеет никакой власти и не может никого подстегнуть хотя бы 2—3 сутками каталажи с заменой штрафом, стыдиться тут нечего. Власть за все отвечает, а раз так, она должна быть твердая, приказывающая, а не разговаривающая и упрашивающая — какая она есть теперь. Довольно митинговать, надо строить порядок. Партия должна немедленно этот пробел исправить, иначе деревня разложится окончательно и хозяйственно, и морально. <...>

Публикация Л.В.Гладковой.

Л.Н.ТОЛСТОЙ — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Смерть — это разрушение органов, которые воспроизводят в нас идею времени. Так что неверно связывать идею будущей жизни с идеей смерти.

Лев Толстой.

11 октября 1909.

Смерть — это условие *qui pro quo* жизни. Если жизнь — это благо, смерть должна быть тоже им.

Лев Толстой.

11 октября 1909.

Оба письма печатаются по копировальной книге 8, л. 601 (181).

Перевод с французского. Вероятно, это два варианта письма к одному и тому же лицу.

Публикация Л.В.Гладковой.

Страницы из книги выбрала И.БОРИСОВА.